

·thebigbook·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ОРЛЫ ИМПЕРИИ

РИМСКИЙ ОРЕЛ
ОРЕЛ-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ОРЕЛ НАПАДАЕТ
ОРЕЛ И ВОЛКИ

САЙМОН СКЭРРОУ

ОРЕЛ НАПАДАЕТ
◆
ОРЕЛ И ВОЛКИ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 46

Simon Scarrow
WHEN THE EAGLE HUNTS
Copyright © 2002 by Simon Scarrow
First published in 2002 by HEADLINE BOOK PUBLISHING
THE EAGLE AND THE WOLVES
Copyright © 2003 by Simon Scarrow
First published in 2003 by HEADLINE BOOK PUBLISHING
The right of Simon Scarrow to be identified as the author of these works has
been asserted by him
in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988
All rights reserved

Перевод с английского Виталия Волковского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Карты выполнены Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-20317-4

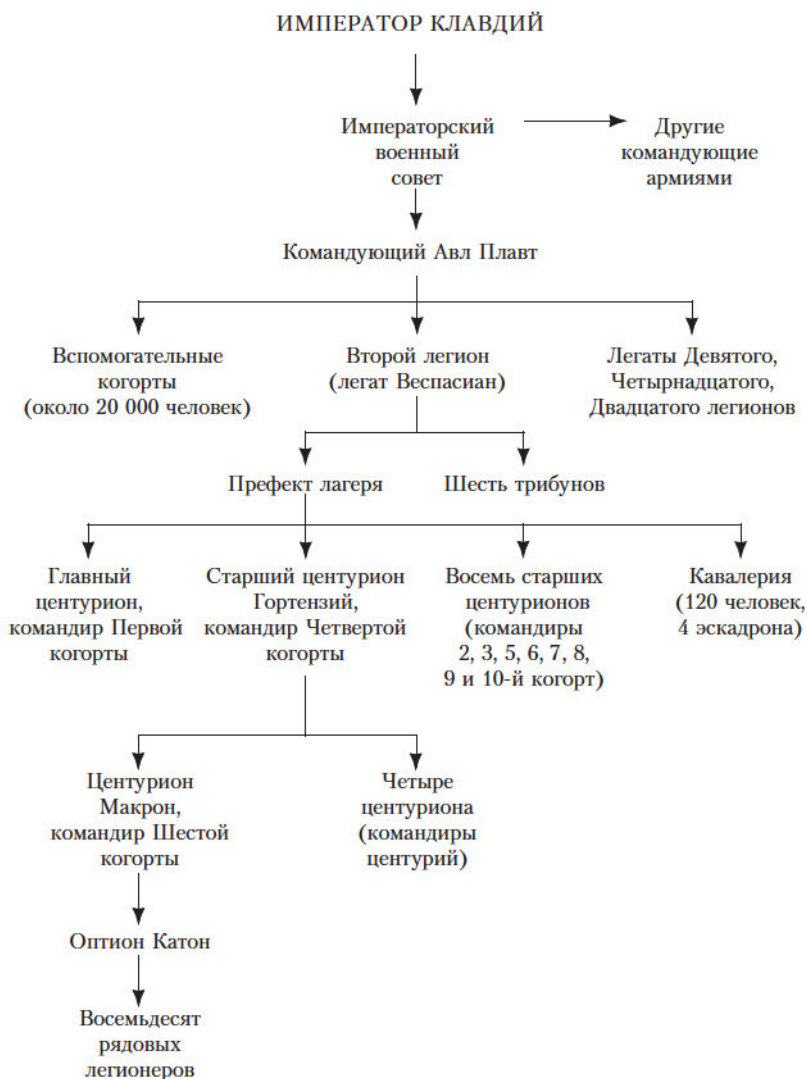
© В. Э. Волковский (наследник), перевод,
2010, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ОРЕЛ НАПАДАЕТ

*Посвящается Джозефу и Николасу
в благодарность за их вдохновенное фехтование*

СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ
РИМСКОЙ АРМИЕЙ В БРИТАНИИ,
44 г. н. э.

ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОГО ЛЕГИОНА

Второй легион, как и все римские легионы, насчитывал пять с половиной тысяч солдат. Основой этой весьма внушительной боевой единицы являлась центурия из восьмидесяти человек под командованием ЦЕНТУРИОНА и подначального ему ОПТИОНА. Центурия состояла из десяти отделений — по восемь воинов в каждом, совместно размещавшихся в палатке или казарме. Шесть центурий составляли когорта, а десять когорт — легион, причем Первая когорта имела двойную численность. Каждому легиону придавалось сто двадцать конников, разбитых на четыре маневренных эскадрона. Кавалеристы преимущественно выполняли обязанности разведчиков и гонцов.

Личный состав легиона имел в порядке понижения следующие чины.

ЛЕГАТ. Легатом легиона являлся знатный — обычно среднего возраста — римлянин, для которого пост этот служил, как правило, ступенькой к дальнейшей политической карьере.

ПРЕФЕКТ ЛАГЕРЯ. Им становился поседевший в походах ветеран, который долгое время был главным центурионом легиона и честность и боевой опыт которого не вызывали сомнений. Для незнатного воина это была высшая точка профессиональной карьеры. Если легат отсутствовал или по каким-то причинам оказывался не в состоянии командовать легионом, обязанности его переходили к префекту.

Шестеро **ТРИБУНОВ** являлись своего рода офицерами штаба. В большинстве случаев это были молодые, лет двадцати с небольшим, люди, желавшие получить военный и административный опыт, перед тем как осесть в органах гражданского управления. Над ними стоял **СТАРШИЙ ТРИБУН**, который

в дальнейшем мог рассчитывать на пост легата или на политический рост.

Но костяком командного состава, обеспечивавшим как военную выучку легиона, так и строжайшую дисциплину в его рядах, были все те же ЦЕНТУРИОНЫ, славившиеся умением подчинять солдат своей воле и выдающейся воинской доблестью. Последнее приводило к тому, что этих командиров в сражениях выбивали чаще остальных. Старшинство среди них принадлежало главе Первой центурии Первой когорты, самому опытному ветерану, удостоенному наибольшего числа наград.

Четыре ДЕКУРИОНА командовали приданными легиону кавалерийскими эскадронами и могли рассчитывать получить под начало более крупный, вспомогательный кавалерийский отряд.

Каждому центуриону помогал ОПТИОН, являвшийся его заместителем и первым кандидатом на должность своего командира, когда та (что случалось часто) становилась вакантной.

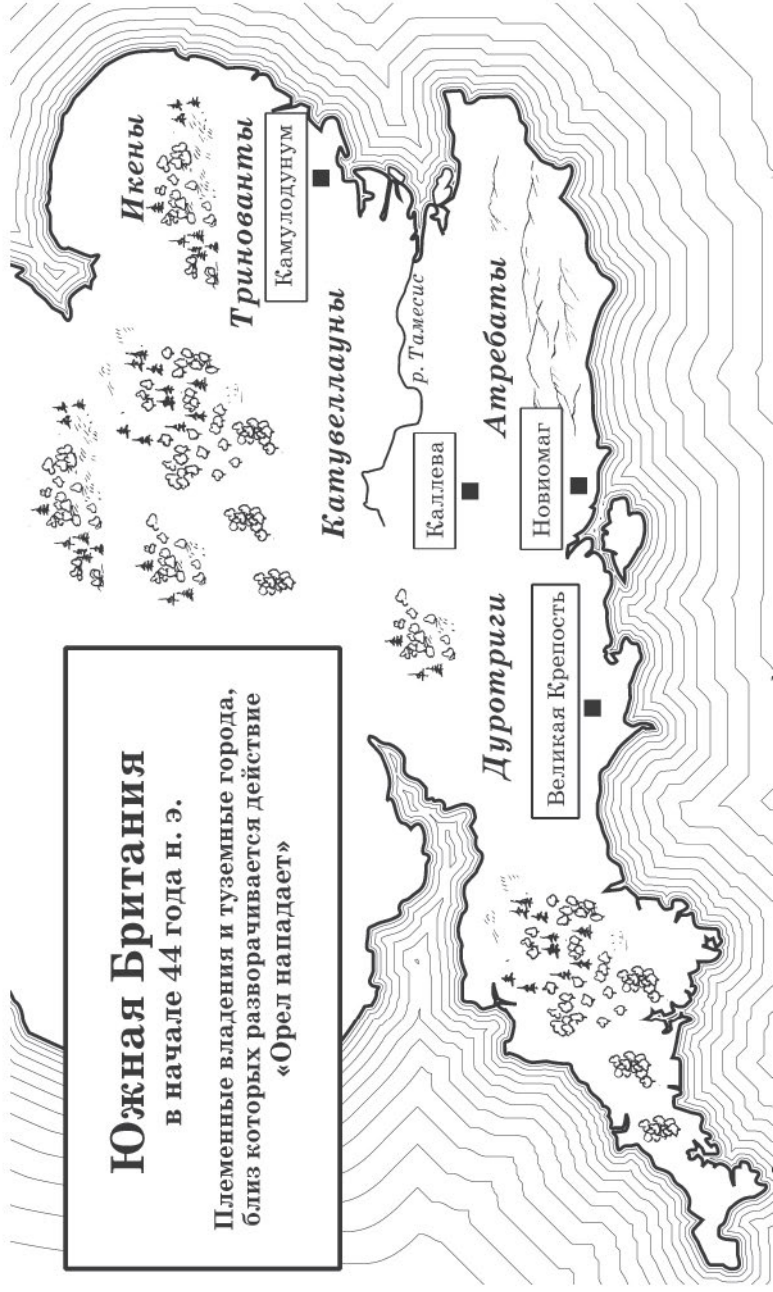
Рядовые ЛЕГИОНЕРЫ обязывались отбыть на нелегкой воинской службе двадцать пять лет. Первоначально правом служить в легионах обладали лишь римские граждане, однако по мере расширения державы и увеличения численности армии легионерами все чаще становились представители коренного населения провинций империи.

Воины ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОГОРТ имели формально более низкий статус, чем легионеры. Эти подразделения формировались из жителей местности, в которой квартировал легион, и обеспечивали римскую армию конниками и легкой пехотой. Все воины, не имевшие римского гражданства, получали такое по истечении двадцатипятилетнего срока службы.

Южная Британия

в начале 44 года н. э.

Племенные владения и туземные города,
близ которых разворачивается действие
«Орел нападает»

Глава 1

Вспышка молнии осветила бурное море, и все окружающее — от вздыбленных пенящихся валов до четко очерченных, странно плоских фигур матросов и причудливых переплетений корабельной оснастки — вмиг побелело и словно застыло, пойманное в фантастическую ловушку. Однако миг миновал, и трирему вновь поглотила мгла, сменившая это ослепительно-яркое, но — увы! — очень недолговечное торжество света. Низкое серое небо быстро затягивали черные тучи. Ветер гнал с севера свинцовые волны. Ночь еще не накрыла пляшущий водный простор своей тьмой, однако перепуганной команде неведь куда несущегося суденышка, равно как и его пассажирам, уже стало казаться, что солнце давным-давно покинуло небосклон, ибо оно давало знать о себе только слабым, размытым свечением, порой пробивавшимся с северо-запада сквозь пелену дождя и тумана. Шторм так безжалостно раскидал корабли, что префекту, под началом которого находилась маленькая флотилия, оставалось лишь, держась одной рукой за штаг, а другой защищая глаза от бешено крутящихся в воздухе ледяных брызг, тщетно всматриваться в неоглядную даль и сердито ругаться.

Из всей эскадры его в относительной близости пребывали теперь только два корабля, да и те с каждым подъемом очередного огромного вала оттаскивало все дальше к востоку. Остальные суда конвоя, разметанные стихией, вообще потерялись из виду. Правда, для некоторых из них еще существовала возможность отыскать вход в глубокий канал, ведущий к Рутупию — главной опорной базе римлян на британской земле, но флагман уже не имел таких шансов. Где-то на суше под Камулодунумом благополучно стояли римские легионы. Солдаты, готовые по весне продолжить завоевательную кампанию, сейчас безмятежно

нежились в тепле зимних казарм, а трирему префекта, невзирая на все усилия дюжих гребцов, влекло прочь от спасительной земной тверди.

Глядя на темную линию британского побережья, совершенно обескураженный римлянин с горечью вынужден был признать, что стихия неодолима, и приказал убрать весла. Пока он лихорадочно размышлял, что ему следует далее предпринять, моряки, чтобы придать судну устойчивость, спешно подняли маленький треугольный парус. Поскольку вторжение началось прошлым летом, префект уже не один десяток раз совершал подобные переходы, хотя никогда еще, вплоть до сего дня, не попадал в столь ужасное положение. Каприз погоды обернулся кошмаром, но кто же мог о том знать?

Ведь даже нынешним, казавшимся теперь бесконечно далеким утром небо над Гесориакумом было ясным, что сулило быструю, легкую переправу. Правда, обыкновенно римляне предпочитали зимой в море не соваться, однако армия Авла Плавта испытывала острую нехватку провианта. Тактика выжженной земли, которую в яростно сопротивляющейся Британии широко применял вождь отступающих дикарей Каратак, приносила плоды. И сейчас силы вторжения полностью зависели от снабжения с континента. В противном случае легионам, чтобы дожить до весны, пришлось бы налечь на стратегический провиант, с большим трудом собранный и тщательно сберегаемый для будущих наступательных действий. Поэтому небольшие транспортные флотилии продолжали уютить пролив, пересекая его всякий раз, когда позволяла погода. Сегодня тоже, судя по всем приметам, ничего страшного не ожидалось. Утро было обманчиво тихим, и префект со спокойной душой повел тяжело нагруженные суда к Рутупию, думать не думая о каких-то там бурях.

Вдали уже завиднелась Британия, когда над северной линией горизонта закружились быстро темнеющие облака. Вялый ветерок посвежел, усилился, потом резко сменил направление, и мореходы с растущим ужасом вдруг увидели, как к ним с яростью ненасытных прожорливых хищников устремляются стаи вздыбленных пенистых волн. Шквал обрушился на головную трирему с устрашающей мощью. Первый же удар его вызвал такой крутой крен, что морякам, чтобы не слететь с палубы, пришлось по-

бросать все дела и мертвой хваткой вцепиться в ближайшие поручни или снасти. Когда трирема, неуклюже мотнув носом, выровнялась, префект обвел взглядом остальную флотилию, и увиденное ошеломило его. Несколько плоскодонных транспортов опрокинулись: людей накрыло горбатыми перевернутыми корпусами. Те, кому удалось вынырнуть, подбрасываемые волнами, пытались махать руками, кричать в нелепой надежде, что кто-то придет им на помощь. Однако эскадры уже не существовало: корабли, словно веником, размело во все стороны. И теперь каждое судно боролось за выживание в одиночку, ничуть не заботясь об участи прочих судов.

Вместе с дико завывающим ветром налетел дождь. Ледяные, косые струи хлестали как плети. Вся палубная команда мигом промокла, холод сковал движения моряков, не позволяя им действовать с должной сноровкой. Кутавшийся в непромокаемый плащ префект внезапно с отчетливой ясностью осознал, что, если шторм в скором времени не утихнет, корабль неизбежно останется без управления. Матросам уже и сейчас с ним не совладать. Видимо, на других судах дело обстояло не лучше. Влекомые бурей, они одно за другим исчезали во мгле. Их, правда, в основном гнало к берегу, однако по какой-то прихоти случая три корабля, возглавлявшие караван, потащило в открытое море. Флагман и тут сохранил свое лидерство, но радости в том было мало, так как его вмиг отнесло дальше всех. Шторм бушевал, не унимаясь, весь остаток дня и даже с приходом сумерек ослабевать, похоже, не собирался.

Припоминая все местные карты, когда-либо попадавшие ему на глаза, префект вглядывался в туманное побережье, пытаясь определить местоположение судна. Получалось, что между Рутупием и триремой лежало теперь много миль. По правому борту угадывались неприступные меловые утесы, высившиеся, как он помнил, около поселения Дабрис. Еще он помнил, что гряда их была нескончаемой. Значит, до ближних галечных отмелей, за которыми можно укрыться, минимум несколько часов ходу. А может, и меньше при таком ветре, только вот выдержит ли эту гонку обшивка? Триремы ведь вовсе не предназначены для скитаний по бурным морям.

Погруженный в свои размышления, префект не сразу заметил, что по пляшущей палубе к нему, пошатываясь, подбирается

капитан корабля. Старый моряк, подойдя, вскинул руку в салюте и тут же выбранился, ухватившись за леер.

— Ну? В чем дело? — крикнул префект.

— Пробоина! В трюме вода! — проревел капитан.

Полдня кряду выкрикивая команды, он совершенно охрип и для вящей ясности ткнул пальцем вниз:

— Она прибывает.

— Вычерпать можно?

Капитан покачал головой.

— И что же теперь?

— Нам надо попробовать оседлать шторм. Это наша единственная надежда хоть как-нибудь продержаться. Пока мы не найдем безопасное место, где можно выбраться на сушу!

Префект энергично кивнул, показывая, что все понял. Вот и прекрасно. Так тому, значит, и быть. Замечательный план. Пролететь сорок миль по кипящим волнам, а потом с ходу выскокить на надежный песок или гальку. Ничего сложного. Конечно, что-нибудь где-нибудь треснет и трирему придется латать, но это все лучше, чем напрочь ее загубить вместе с грузом, матросами и пассажирами. Ах да, пассажиры! Тут мысли префекта утратили саркастическую окраску, а самого его опалил жар стыда. В недрах триремы, под палубой, от превратностей бури пряталась знатная римлянка с маленькими детьми. Ее вверили его попечению, а он о ней совершенно забыл во всей этой суматохе.

— Действуй, как тебе кажется правильным, капитан! Я спущусь вниз.

— Есть, командир!

Капитан опять отсалютовал и повернулся к шкафуту, где сгрудились палубные матросы. Не обращая больше внимания на префекта, он зычно прокричал что-то, указывая на верхнюю перекладину мачты, к которой был принайтовлен свернутый большой парус, но никто из команды не двинулся с места. Последовал взрыв ругательств, ближайший слушник получил пинок, потом затрещину и лишь после этого начал карабкаться наверх. Остальные, цепляясь за ванты, последовали за ним. Если все они доберутся до реи, у триремы появится шанс не погибнуть в волнах. Парус будет поставлен, и судно наберет скорость, достаточную, чтобы, не теряя необходимой маневренности, мчаться впе-

ред наравне с ветром, опережая пляшущие под днищем валы. Каждая вспышка молнии мимолетно выхватывала из мглы перекрестья рангоута и черные на фоне ослепительно-белого неба силуэты людей. Префекту казалось, что в эти моменты даже дождь вроде бы прекращался. Капли словно зависали над палубой, а сам римлянин, несмотря на гложущий его страх, обмирал от восторга, восхищенный столь дивными проявлениями мощи Нептуна, могущественного владыки морей.

Наконец моряки заняли свои места. Упершись крепкими ногами в палубу, капитан вскинул голову и поднес сложенные ковшом ладони ко рту:

— Развернуть парус!

Онемевшие непослушные пальцы принялись судорожно раздгивать мокрые кожаные узлы. Кто-то из парней мешкал, кто-то был половчее, но парус, пусть и неравномерно, стал понемногу разворачиваться, и тут налетел очередной шквал. Шторм словно обрел второе дыхание, трирема резко дернулась, и какой-то совсем, видать, ослабевший бедняга не сумел удержаться на рее. Нелепо изогнувшись в попытке сохранить равновесие, несчастный сорвался с мачты. Миг — и тело его поглотила бушующая вода. Все случилось так быстро, что никто даже не заметил, куда он упал. Да на это и не смотрели. Каждый матрос ожесточенно и сосредоточенно боролся за жизнь корабля. Ветер свирепо трепал высвобожденную часть грубого полотнища, норовя вырвать из натруженных ноющих рук найтовы и шкоты, однако совместными усилиями парус все-таки удалось развернуть до конца. Закрепив рифовые шнуры, обессиленные и продрогшие моряки торопливо спустились на палубу, где опять сгрудились возле мачты в ожидании новых команд.

Несколько успокоившийся префект через кормовой люк уже осторожно сходил по крутой лесенке в черное чрево триремы. После пронзительно завывающего во всех палубных щелях ветра, громоподобного рокота волн и немолчного шума дождя внизу было неестественно тихо. Звук плача привлек его внимание к кормовому отсеку — небольшой каюте, устроенной в закуте, где воедино сходились длинные доски обшивки. Отсвет молнии, проникший сквозь люк, выхватил из кромешного мрака забившуюся в дальний угол этого ненадежного убежища женщину,

крепко обнимавшую двух детишек. Они дрожали, цеплялись за мать, жались к ней. Мальчуган лет пяти, похоже младшенький, безутешно рыдал, размазывая по бледному личику сопли и слезы. Его сестренка, будучи с виду на три годика старше, молчала, но ее глазенки были расширены от ужаса. Неожиданно трирема подскочила на огромной волне, и префекта швырнуло вперед. В паре шагов от своих пассажиров он не устоял на ногах и грохнулся на дощатый настил, больно стукнувшись грудью. Ему потребовалось какое-то время, чтобы восстановить дыхание и сесть, и тут из темноты послышался спокойный голос женщины:

— Мы ведь справимся с этим, правда?

Очередная вспышка молнии высветила бледные, искаженные паникой лица детей.

Не было смысла сейчас говорить о решении выброситься на берег. Как и о том, что это, наверное, единственный шанс спастись. Лучше избавить маленькую семью от излишних переживаний.

— Конечно справимся, моя госпожа. Пока что шторм гонит нас, и мы летим с ним, влекомые ветром. Но как только буря уляжется, мы повернем обратно, к Рутупию.

— Понятно, — бесцветным голосом произнесла женщина.

И префект понял: она догадалась о недосказанном. Проницательная особа, достойная своей благородной фамилии и своего мужа.

— Слышите, мои дорогие, — добавила мать, ободряюще обнимая детей. — Скоро мы обогреемся и обсохнем.

Префект вспомнил, какая дрожь бьет сейчас ребятишек, и проклял свою бездумную невнимательность.

— Минуточку, моя госпожа.

Его онемевшие пальцы суетливо завозились под горлом, пытаясь справиться с непослушной застежкой плаща.

— Вот. Это для тебя и твоих детей, госпожа.

Водонепроницаемая плотная ткань шурша, сползла, на доски настила.

— Спасибо, префект, это очень любезно с твоей стороны. Ну-ка, дети, прячьтесь скорее под эту накидку.

Префект обхватил свои плечи руками, стараясь сохранить остатки тепла или хотя бы создать иллюзию некоторого комфорта. Он не добился ни того ни другого, но через миг ощутил деликатное прикосновение.

- Госпожа?
- Тебя зовут Валерий Максентий, верно?
- Да, госпожа.
- Предлагаю тебе, Валерий, укрыться под этим плащом вместе с нами. Пока ты совсем не заоченел.

Префекта больше всего удивило, что к нему сочли возможным обратиться по имени, впрочем, отговариваться он не стал и, пробормотав слова благодарности, тоже нырнул под защитную ткань. Мальчик, дрожащий и всхлипывавший, лежал рядом.

— Успокойся, — тихонько сказал префект. — С нами все будет в порядке. Вот увидишь.

Серия вспышек осветила каюту, и префект с женщиной переглянулись. Выражение ее лица было вопросительным, и он покачал головой. В это время через люк в трюм устремился поток серебристой воды, а деревянный корпус триремы затрещал под напором силы, превосходящей весь запас прочности, который ему придали строившие его корабели. Префект понял, что в один прекрасный момент каркас уступит нескончаемому насилию и море поглотит трирему вместе со всеми людьми, находящимися на борту. С рабами, прикованными к длинным веслам, с вконец измотанными моряками и с отчаявшимися, уже не надеющимися ни на что пассажирами. Забывшись, он негромко выругался, и женщина мигом догадалась о его чувствах.

— Валерий, тут твоей вины нет. Ты никак не мог это предвидеть.

- Я знаю, моя госпожа. Я знаю.
- Может быть, мы еще спасемся.
- Да, моя госпожа. Если ты так считаешь.

Всю ночь напролет шторм гнал трирему вдоль побережья, и капитан, борясь с лютым холодом, пытался высмотреть с высоты средних рей подходящее для рискованной высадки место, но такового не обнаруживалось, а между тем его корабль тяжелел и терял ход. Часть рабов под палубой уже расковали, и теперь они вместе с экипажем вычерпывали трюмную воду, однако та поступала в пробоины быстрее, чем от нее избавлялись. Непрестанная бешеная работа лишь отдаляла неизбежный момент, когда очередной гигантский вал уже не сумеет вознести ввысь обреченное судно, а захлестнет его и утопит.

Рабы, прикованные к скамьям, отчаянно вопили от ужаса: вода заплескивала им колени. В отличие от других жертв неминуемо приближавшегося крушения, которые еще могли рассчитывать вцепиться в какие-нибудь обломки и, если студеное море не dokonает их раньше, рано или поздно добраться до берега, этим несчастным предстояло пойти на дно вместе со своей плавучей тюрьмой.

Ливень перешел в дождь со снегом, а потом в сплошной снег. Густые белые хлопья зароились вокруг, налипая слоями на капитанскую шерстяную тунику. Руки старого моряка стали терять чувствительность, и он понял, что должен вернуться на палубу раньше, чем холод ослабит их цепкость. Но, ухватившись за снасти и вознамерившись приступить к осторожному спуску, он вдруг заметил впереди, всего в полумиле от носа триремы, темные неясные очертания мыса. Волны, рассыпаясь белыми брызгами, бились о подножие грозно вздымающегося из пучины утеса.

Забыв о холоде и стремительно соскользнув вниз, капитан поспешил к рулевому.

— Впереди скалы! Сворачивай!

Он тут же сам навалился на румпель, сию же минуту помог матросу вывернуть лопасть руля, и, хотя это дело казалось почти безнадежным, трирема все же отреагировала на людские усилия: бушприт ее стал медленно отворачивать от опасного мыса. В отсветах молний хищно поблескивали зубы скал, вздымавшихся над дробящимися о них волнами, чей грохот даже перекрывал завывания ветра. На какой-то момент бушприт замер, и сердце капитана упало, однако в последний миг случайный порыв ветра помог кораблю, и тот развернулся, когда до гибельных скал оставалось менее сотни локтей.

— Так держать! — крикнул капитан рулевому.

Опасно хлопнув провисшим, но тут же напрягшимся парусом, трирема проскочила мимо мыса, и взгляду мореходов открылось пологое каменистое побережье с редкими, низкорослыми деревцами, на которое набегали и откатывались назад увенчанные пышными шапками белой пены валы.

— Туда! — приказал капитан. — Правь туда, к суше!

— В этакий-то прибор? — выкрикнул рулевой. — Это безумие!

— Это наш единственный шанс! Ну, навалились!

После того как трирема взяла курс на берег, капитан в первый раз за эту сумасшедшую ночь позволил себе поверить, что, может быть, они еще выберутся из шторма живыми. Он даже рассмеялся, надрывно радуясь тому, что сумел дать отпор самому Нептуну, решившему, видимо, проучить наглецов, дерзнувших не вовремя вторгнуться в его владения. Но когда спасение казалось уже близким, могучий, огромный, словно гора, вал вскинул трирему на пенистый гребень, а потом резко обрушил вниз, как оказалось, на острые подводные скалы. От удара все, кто был на палубе, покатались по ней. Когда капитан вскочил на ноги, неподвижность судна сказала ему, что трирема больше никуда не продвинется. Следующая волна развернула севшее на камни судно кормой к берегу. В трюме истошно орала рабы. Было очевидно, что очень скоро прибой разнесет беспомощный корабль в щепки, а находящихся на нем людей вместе с обломками размолотит о рифы.

— Что стряслось?

Капитан обернулся и увидел в проеме кормового люка Максентия. Близость суши и блеск черных, преграждающих к ней дорогу камней сказали префекту достаточно много, чтобы он, не дожидаясь ответа, опять спустился в трюм и велел пассажирке вывести наверх детей.

— Мне нужно спасти их! — прокричал он капитану. — Они должны уцелеть!

Пока мать и дети, оглушенные бурей, испуганно жались к кормовым леерам, префект с капитаном торопливо пытались скрепить вместе несколько пустых кожаных бурдюков. Остальная команда занималась такой же работой, спешно увязывая в подобие плотиков весь деревянный палубный инвентарь. Еще один вал — и крики в трюме утихли. Кто-то из экипажа указал на ближайший открытый люк — там плескалась вода. Трюм уже затопило, и теперь лишь скала не давала триреме уйти на дно. Но уже следующая большая волна непременно должна была с ней покончить.

— Сюда! — крикнул своей пассажирке Максентий. — Быстро сюда!

Когда хлынувшая из люков вода побежала по палубе, префект с капитаном принялись привязывать женщину и детей к бурдю-

кам. Перепуганный мальчик кричал, бился, дергался, не давая Максентию закрепить мокрый узел, пока не получил от матери звонкий шлепок.

— А ну прекрати!

Префект благодарно кивнул ей и опоясал ребенка веревкой, потом, дав слабинку, накрепко притянул его к кожаному пузырю.

— Что теперь? — спросила женщина.

— Подождем у кормы. Когда я скомандую, прыгай. Потом плыви к берегу.

Римлянка помедлила, глядя на двоих мужчин:

— А вы?

— Мы в любом случае последуем за тобой. — Префект улыбнулся. — Давай, моя госпожа. Прощу.

Пассажирка позволила отвести ее к бортовым поручням и осторожно перебралась через них, после чего приняла детей и приготовилась соскочить с ними с судна.

— Мапочка! Нет! — кричал мальчик, уставившись широко раскрытыми глазами на бурную воду у себя под ногами. — Пожалуйста, мамочка!

— Аэлий, с нами все будет в порядке. Клянусь тебе! Не вопи.

— Префект! — рявкнул капитан. — Там! Глянь туда!

Префект повернулся и сквозь завесу бурана увидел несущуюся к ним чудовищную волну — бешеный ветер сдувал с ее гребня белые брызги, мешавшиеся со струями снега. Оцепенев от невольного изумления, он едва нашел в себе силы сделать знак женщине и проорать долгожданный приказ. Потом волна обрушилась на трирему и повлекла ее к скальной гряде. Всех моряков с верхней палубы смыло за борт. Максентий, не дожидаясь этого, сам перемахнул через штевень и в последний момент успел глянуть на капитана. Тот, вцепившись в решетку главного люка, стоял, обратив взгляд к надвигавшемуся на него грозному воплощению рока. Тут префекта окутала тугая тьма, его куда-то поволокло, закрутило, и соленая ледяная вода проникла через нос в горло. Он крепко сжал губы, отдаваясь волне, однако воздуха в легких было мало. Там началось жжение, предвещающее удушье, но в тот самый миг, когда эта мука сделалась нестерпимой и смерть казалась уже неминуемой, его слух вновь наполнился грохотом бури. Потом, ненадолго, шум исчез и опять воз-

вратился. Задрав подбородок и стараясь держать голову над водой, префект жадно глотнул воздух и отчаянно забил ногами, чтобы не уйти вглубь еще раз.

Бурлящая водная масса вдруг подняла его вверх, и он увидел, что берег на удивление близко. А вот триремы не было видно нигде. Как не было видно и никого из членов экипажа, а также и римлянки с ее детьми. Волна, вильнув, потянула префекта вбок, к рифам, но дикий страх разбиться о скалы заставил его извернуться и, загребая воду руками, каким-то чудом компенсировать снос.

Не раз и не два ему казалось, что изнуряющее борение напрасно, что его все равно расплющит о камни не та, так другая волна. Однако, продвигаясь вперед пядь за пядью, упорный пловец оказался под прикрытием мыса, теперь защищавшего его от самых грозных нападков стихии, а когда силы префекта совсем истощились, он вдруг почувствовал под ногами каменистое дно.

Потом волна потащила его опять в море, и Максентий, в гневе, вознес хулу богам, вознамерившимся после стольких усилий отказать ему в милости. Однако ярость лишь укрепила его в решении бороться за жизнь до последнего вздоха, и он, стиснув зубы, предпринял еще одну отчаянную попытку добраться до суши. С новым облаком кипящей пены префект рывком преодолел полосу галечной отмели, потом поджался, не позволяя откату увлечь его за собой, и, прежде чем за плечами взметнулась очередная сбивающая с ног волна, с трудом взбежал вверх по скользкому каменистому склону, после чего рухнул ничком и затих.

Вокруг бушевал шторм, осыпая его градом брызг. Только теперь, благополучно выбравшись из воды, префект осознал, как он замерз. Он, сильно дрожа, попытался подняться, но мускулы не повиновались ему. Внезапно поблизости скрипнула галька и кто-то присел рядом с ним.

— Валерий Максентий! Это ты? Ты не ранен?

Дивясь силе женщины, которая приподняла его и усадила, Максентий мотнул головой.

— Тогда пошли! — приказала она. — Пока ты не превратился в ледышку.

Она перекинула одну его руку через свое плечо и помогла ему встать, потом повела по мокрому берегу к пологой ложбине,

окаймленной черными очертаниями низкорослого леса. Там, под ветвями упавшего дерева, тщетно кутаясь в насквозь промокший воинский плащ, прятались продрогшие ребяташки.

— Забирайся туда.

Она тоже залезла под стоявшую коробом ткань, и все четверо тесно прижались друг к другу. Их колотила дрожь, тогда как буря все бесновалась, злобно закидывая их жалкое укрытие мокрым снегом. Озирая, насколько позволял рассветный сумрак, и море, и мыс, Максентий так и не обнаружил триремы: флагманский корабль исчез бесследно, словно его никогда не существовало. Люди тоже о себе знать не давали. Видимо, из экипажа не спасся никто.

Неожиданно его внимание привлек пробившийся сквозь вой ветра хруст гальки. Сначала префект решил, что ему это послышалось, но потом звук повторился, причем теперь, он мог поклясться, в нем различались и голоса.

— Похоже, выплыли не мы одни, — произнес он, улыбнувшись женщине, и позвал: — Сюда! Сюда!

В низине возникла темная фигура, за ней другая.

Пришельцы на какой-то миг замерли, один из них что-то выкрикнул, но слова унес ветер. Потом вожак поднял копьё, подавая знак невидимым спутникам.

— Валерий, тихо! — шикнула женщина.

Но было поздно. Их увидели. Маленькая толпа разрослась, и ночные гости, с любопытством вглядываясь во тьму, направились к съезжившимся от холода жертвам крушения. По мере приближения их черты становились все более различимыми.

— Мама, — прошептала девочка. — Кто это?

— Тише, Юлия!

Отдаленная вспышка молнии озарила небо, осветив окружающих укрытие незнакомцев — странных людей в меховых накидках, со стоящими торчком волосами и яркими, свирепыми глазами на татуированных лицах. На миг и дикари, и римляне застыли в изумленном молчании, но потом маленький мальчик не выдержал, и над побережьем пронесся тонкий, жалобный крик, в котором звенел слепой ужас.

Глава 2

— Я просто уверен, что это здесь, — смущенно пробормотал Макрон, оглядывая сбегавшую к пристани темную улочку. — Есть какие-нибудь соображения?

Маленькая компания, топтавшаяся рядом с ним на снегу, ответила дружными унылыми вздохами. Возле Катона — молодого помощника, заблудившегося в городском муравейнике центуриона, — переминались с ноги на ногу две местные уроженки из племени икени, закутанные в кокетливые накидки с меховой оторочкой. Их отцы, прозорливо предвидевшие момент, когда римские цезари захотят распространить свое влияние на Британию, дали дочерям соответственное воспитание. С малых лет к ним был приставлен образованный, вывезенный из Галлии раб, так что теперь они изъяснялись на латыни, как римлянки, совершенно свободно и лишь с легким акцентом, который Катон находил весьма приятным для слуха.

— Послушай, Макрон, — заявила красотка постарше. — Ты обещал отвести нас в уютную маленькую таверну, и мне совершенно не хочется таскаться всю ночь по морозу, пока ты что-то там не отыщешь. Давай-ка договоримся: раз уж ты так осрамился, мы заходим в первую же попавшуюся нам дверь!

Ища поддержки, она оглянулась на подругу и оптиона, и те, увидев сердитый блеск ее глаз, торопливо кивнули.

— Мы вроде пришли, — поспешно отозвался Макрон. — Да, я теперь точно вспомнил. Это то самое место.

— Лучше бы, чтобы оно так и было. Иначе ты поведешь нас домой.

— Справедливо.

Макрон поднял руку, успокаивая горячку:

— Пошли.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРЕЛ НАПАДАЕТ	5
От автора	348
ОРЕЛ И ВОЛКИ.....	351
Историческое примечание.....	761
От автора	763

Скэрроу С.

С 46 Орел нападает ; Орел и Волки : романы / Саймон Скэрроу ; пер. с англ. В. Волковского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 768 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-20317-4

Промозглой зимой 44 года от Рождества Христова римские силы в Британии с нетерпением ожидали наступления весны, чтобы возобновить кампанию по завоеванию острова. Непокорные бритты тем временем становились все более изощренными в своем сопротивлении, не гнушась нанести римлянам удар в спину. Захвачены в плен жена и дети генерала Плавта, центуриону Макрону и его верному другу Катону придется поторопиться, чтобы не дать друидам принести пленников в жертву своим темным богам...

Веспасиан и Второй легион римской армии продвигаются вперед в своей кампании по захвату юго-запада. Макрону и вновь назначенному центурионом Катону поручено помочь Верике, престарелому правителю атребатов, превратить его племенное войско в грозную силу, которая сможет защитить власть от набегов врага. Но, несмотря на официальную приверженность атребатов Риму, многие настроены против римских захватчиков, а значит, героям предстоит сначала завоевать лояльность колеблющихся ополченцев...

Вошедшие в сборник романы Саймона Скэрроу «Орел нападает» и «Орел и Волки» продолжают знаменитый цикл «Орлы Империи», который посвящен римским легионерам и книги которого стали бестселлерами во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

САЙМОН СКЭРРОУ
ОРЕЛ НАПАДАЕТ
•
ОРЕЛ И ВОЛКИ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.10.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-BBH-29168-01-R